

Научная статья
УДК 82
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-42
EDN: EKFNCS

Преодоление советского: диалог Ветхого и Нового Заветов в поэме И. А. Бродского «Исаак и Авраам»

Анна Александровна Федотова

Доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Аннотация. В статье рассматривается актуальная для современного литературоведения проблема анализа поэтики и проблематики ключевой для духовного формирования И. А. Бродского символической религиозной поэмы «Исаак и Авраам» (1963). Поэма анализируется с точки зрения взаимодействия в ней двух культурных и религиозных традиций, а именно иудаизма, отраженного в первоисточнике – ветхозаветной книге Бытия, и христианства. Обращение молодого поэта к религиозной тематике интерпретируется в статье как форма сопротивления советской системе, в которой господствовало атеистическое мировоззрение. Используя современные методы анализа, в том числе комплексный филологический анализ текста и интертекстуальные методики, автор статьи приходит к выводу о том, что Бродский, переосмысливший ветхозаветный сюжет через призму работ христианского философа-экзистенциалиста Кьеркегора, представил человека, оказавшегося в характернейшей для этого философского направления ситуации одиночества и кризиса веры. Одиночество героя в точном соответствии с оригинальным иудейским сюжетом оказывается не только и не столько экзистенциальной изоляцией, сколько непосредственным предстоянием перед Богом. С другой стороны, осмысляя ветхозаветный сюжет в духе метафизики христианства, Бродский в «Исааке и Аврааме» неоднократно подчеркивает прообразовательный характер событий, произошедших на горе Мориа. Рождение веры героев ветхозаветного повествования в ранней поэме Бродского находится в тесной связи с ключевым событием Евангелия, с готовностью Бога принести в жертву своего единственного сына ради возможности грядущего человеческого воскресения.

Ключевые слова: И. А. Бродский; «Исаак и Авраам»; рецепция; библейский текст; советский дискурс; символика; мотив; интертекстуальность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

Для цитирования: Федотова А. А. Преодоление советского: диалог Ветхого и Нового Заветов в поэме И. А. Бродского «Исаак и Авраам» // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 42–49. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-42>. <https://elibrary.ru/EKFNCS>

Original article

Overcoming the soviet: the dialog between the Old and New Testaments in J. Brodsky's poem Isaac and Abraham

Anna A. Fedotova

Doctor of philological sciences, associate professor at the department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Republikanskaya st., 108/1
gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Abstract. The article addresses the problem relevant for modern literary criticism, that of analyzing the poetics and problematic of J. Brodsky's symbolic religious poem Isaac and Abraham (1963) which was key to his spiritual formation. The poem is analyzed in terms of the interaction between two cultural and religious traditions, namely Judaism, as reflected in the Old Testament book of Genesis, and Christianity. The young poet's appeal to religious themes is interpreted in the article as a form of resistance to the Soviet system, dominated by an atheistic worldview. Using complex philological analysis of the text and intertextual techniques, the author of the article concludes that Brodsky reinterpreted the Old Testament story through the prism of the works by Christian existentialist philosopher Kierkegaard, and portrayed a man in a situation of loneliness and crisis of faith characteristic of this philosophical

movement. Interpreting the Old Testament plot in the spirit of the metaphysics of Christianity, Brodsky, in his Isaac and Abraham, repeatedly emphasizes the pro-educational nature of the events that took place on Mount Moriah. The sacrifice of Isaac is unambiguously interpreted in the poem as an analogue of the cross sacrifice of Jesus Christ. The rise of the faith in the characters of the Old Testament narrative in Brodsky's early poem is closely related to the key event of the Gospel, with God's willingness to sacrifice his only son for the possibility of the coming human resurrection.

Key words: J. Brodsky; Isaac and Abraham; reception; biblical text; soviet discourse; symbolism; motif; intertextuality

This research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

For citation: Fedotova A. A. Overcoming the soviet: the dialog between the Old and New Testaments in J. Brodsky's poem Isaac and Abraham. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(2):42–49. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-42>. <https://elibrary.ru/EKFNGS>

Введение

Среди всех поэтов второй половины XX века нет другого автора, чье творчество привлекало бы больший интерес современных литературоведов, чем И. А. Бродский. В последние два десятилетия активно публикуются исследования биографии и поэтики писателя. Широко исследуются проблемы поэтики Бродского, который давно уже признан одним из самых сложных для восприятия и интерпретации поэтов XX века: многочисленны статьи, авторы которых не устают находить у Бродского те или иные интертекстуальные отсылки [Ахапкин, 2018]; [Богданова, Власова, 2021]; [Бурая, Богданова, 2022], [Гудониене, 2000]; [Ранчин, 2001], изучаются формальные особенности лирики Бродского [Шерр, 2002], особенности циклообразования в его творчестве [Богомолов, 2004]; [Бурая, 2021], коммуникативные стратегии письма [Чаунина, 2019].

К числу тех проблем, к которым вынуждены постоянно обращаться ученые, занимающиеся изучением творчества поэта, относится религиозная направленность его произведений. Наиболее исследованным с точки зрения религиозной традиции выступает рождественский «цикл» стихотворений поэта. Метафизические аспекты лирики Бродского с привлечением многочисленных биографических подробностей рассмотрены в монографии Б. Янгфельдта «Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском» [Янгфельдт, 2011]. В статьях Е. В. Мищенко [Мищенко, 2008] и Р. Измайлова [Измайлов, 2008] проводится систематический обзор и анализ основных произведений поэта, содержащих отсылки к «библейскому тексту».

Активный интерес Бродского к религиозным проблемам, неизменно отражавшийся в его творчестве, не подвергается сегодня сомнению. Особенно ярко он проявился в его работах периода жизни в Советском Союзе, то есть до 1972 года.

В этой связи характерный факт вспоминает Б. Янгфельдт. На вопрос своего будущего биографа о том, почему на фотографии 1972 года на груди поэта надет нательный крестик, Бродский отвечает: «В те времена я относился к этому несколько более, как вам сказать, систематически. Но это прошло. Это опять-таки связано с Пастернаком, если хотите. После его «Стихов из романа» масса русской интеллигенции, особенно еврейские мальчики, очень воодушевились ново-заветными идеями» (Цит. по: [Янгфельдт]). Янгфельдт вспоминал следующие показательные слова Бродского: «Отчасти это была форма сопротивления системе, с другой стороны, за этим стоит совершенно феноменальное культурное наследие, с третьей стороны, – чисто религиозный аспект, с которым у меня отношения всегда были в достаточной степени неблагоприятными» (Цит. по: [Янгфельдт]).

В приведенном Янгфельдтом высказывании привлекают внимание не только слова Бродского о том, что опыт религиозного поиска был для него «формой сопротивления системе», но и кажущееся на первый взгляд парадоксальным (учитывая многочисленность и глубину религиозной лирики поэта) утверждение о том, что с «чисто религиозным аспектом» его отношения «всегда были в достаточной степени неблагоприятными». Судя по биографии писателя, Бродский скорее всего имеет в виду тот факт, что он не принадлежал к определенной христианской общине. По воспоминаниям биографа, в целом на вопросы о характере своей веры и религиозности Бродский отвечал неохотно, считая их чересчур личными, когда же ему все-таки приходилось высказываться на эту тему, он зачастую высказывался неоднозначно: «Я не знаю. Иногда – да, иногда – нет» (Цит. по: [Янгфельдт]), «Я не то чтобы религиозен, вовсе нет. К счастью это или к несчастью, я не знаю» (Цит. по: [Янгфельдт]).

Сложность проблемы, а также отсутствие четкой позиции самого поэта, привели к тому, что вопросов о религиозном начале в творчестве Бродского до сих пор больше, чем ответов. Один из самых принципиальных, но тем не менее мало изученных аспектов религиозности Бродского – проблема диалога иудейской и христианской традиции в его лирике. Поэт вырос в еврейской семье и неизменно на вопрос о своей национальной идентификации отвечал «я – еврей» [(Цит. по: [Янгфельдт, 2011, с. 33]). С другой стороны, поэт подписал вышедший в 1992 году сборник своих рождественских стихотворений, подаренный Александру Сумеркину, определением «христианин-заочник», что также весьма точно отражало его позицию, ведь Бродский неоднократно подчеркивал, что он принадлежит к традиции (имея в виду русскую культурную традицию), в которой «разница между христианством и иудаизмом не столь велика, как на Западе» (Цит. по: [Янгфельдт]).

Основная часть

Произведение, непосредственно связанное с проблемой диалога двух культур в творчестве Бродского, – символическая поэма «Исаак и Авраам» (1963), написанная в разгар хрущевской антирелигиозной кампании. Это – первая попытка Бродского создать стихотворное переложение библейского повествования, саму идею которого, возможно, подсказала поэту Анна Ахматова (позднее Бродский вспоминал: «Помню, мы с Ахматовой обсуждали возможность переложения Библии стихами. Здесь, в Америке, никто из поэтов этим заниматься не стал бы» (Цит. по: [Лосев, 2008, с. 137])). Поэма является одним из наиболее сложных для интерпретации произведений Бродского. Она наполнена многочисленными образами с переносным значением, что вызвало разнообразные трактовки поэмы критиками и литературоведами [Богданова, Баранова, 2023]; [Ранчин, 2001]. Одна из наиболее интересных из них принадлежит израильскому критику и ученому З. Бар-Селле [Бар-Селла, 1985], который, используя традиционные для иудаизма экзегетические методы анализа текста, предлагает интерпретацию «Исаака и Авраама» как исследования о судьбе еврейского народа, включающего в себя размышление о Холокосте. Параллель между изображенными в поэме событиями и Холокостом поддерживает и израильский литературовед и переводчица Зоя Копельман [Копельман, 2015].

В основе «Исаака и Авраама», как явствует из названия поэмы, – известнейший ветхозаветный сюжет о повелении Богом Аврааму принести в жертву своего единственного законного сына Исаака и о готовности Авраама исполнить волю Божию. Это единственное произведение автора, написанное на ветхозаветную тему. Как отмечено в биографии поэта, его создание совпало по времени с первым прочтением Бродским Библии: «Я написал «Исаак и Авраам» буквально через несколько дней после того, как прочитал Бытие» (цит. по: [Лосев, 2008, с. 137]). Интерес, проявленный Бродским к одному из наиболее драматичных сюжетов Бытия, не случаен: в это же время поэт читал раннюю работу основателя экзистенциализма, датского философа Серена Кьеркегора «Страх и трепет» (1843), в которой, рассуждая о возможности веры в современном мире, Кьеркегор также обращается к ветхозаветной истории об Аврааме и Исааке.

Сюжетная канва поэмы проста и лаконична: описывая путь Авраама и Исаака в землю Мориа и последовавшие за ним события, Бродский точно воспроизводит текст двадцать второй главы Бытия (стих 1–14). Кульминационным центром поэмы – как и этой части ветхозаветного повествования – становится наиболее драматичный эпизод, момент жертвоприношения Исаака. В поэме отсутствует какое бы то ни было деление на главы, однако содержательно она четко распадается на три части: первые две части, путь Авраама и Исаака по пустыне и эпизод жертвоприношения, в основе которых библейский текст, более повествовательны, в то время как заключительная часть представляет собой построенный на прихотливой игре ассоциаций и символов авторский лирический монолог.

Принципиальное отличие текста поэмы от библейского в том, что поэт сосредотачивает свое внимание на взаимоотношениях отца и сына и отказывается от такой детали, как спутники Авраама («Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего, наколот дров для всесожжения, и встав пошел на место, о которой сказал ему Бог. И сказал Авраам отрокам своим: останьтесь вы здесь с ослом, а я и сын пойдем туда и поклонимся, и возвратимся к вам» (Быт. 22: 3–5) [Библия]). Бродский подчеркивает:

В пустыне Исаак и Авраам
четвертый день пешком к пустому месту
идут одни по всем пустым холмам
[Бродский, 2001, с. 253].

Троекратный повтор лексем с корнем «пуст» (пустыня, пустой, пустые) подчеркивает экзистенциальное одиночество героев в мире. Вплоть до заключительной части поэмы, когда среди действующих лиц появляется Ревекка, Авраам и Исаак остаются в поэме наедине друг с другом и с Богом (исключение составляет диалог героев с Ангелом Господним, который препятствует жертвоприношению). Идея о прямом предстоянии человека перед Богом, заостренная таким образом поэтом, была в целом очень близка Бродскому. Интересно, что, по мнению Лосева, поэт четко осознал ее именно после прочтения трактата Кьеркегора «Страх и трепет», которое непосредственно предшествовало работе над «Исааком и Авраамом» [Лосев, 2008, с. 138].

Образы пустыни и песка наполняют собой первую часть поэмы: «глаза полны песку» [Бродский, 2001, с. 253], «Но то песок. Один густой песок» [Бродский, 2001], «Кругом песок. Холмы песка. Поля. Холмы песка. Нельзя их счесть, измерить» [Бродский, 2001]. Бродский выстраивает своеобразную вертикаль из пустоты, где не только под песком «внизу, на дне, земля» [Бродский, 2001], но даже «пустынный свод небес кружит над ними» [Бродский, 2001]. В этой пустоте продолжают свой упорный путь герои:

Шагает Авраам. Вослед за ним
ступает Исаак в простор пустыни [Бродский, 2001].

Образ пустыни традиционно ассоциируется с безжизненностью, смертью (см., например, интересную интерпретацию этого образа в рассказе И. А. Бунина «Пыль»). Подобного рода ассоциативный ряд задействует и Бродский («И в нем трава (коснись – обрежешь палец), / чей корень – если б был – давно иссох» [Бродский, 2001]), однако он не выступает в поэме как смысловая доминанта. Более того, вводя в поэму мотив пути по пустыне и образ скитания («травя-скиталец» [Бродский, 2001]) Бродский выстраивает аналогию между странствием Авраама и Исаака и сорокалетним скитанием по безжизненной пустыне еврейского народа под руководством Моисея. Аналогия эта тем более оправдана, что в обоих случаях это скитание связано с проблемой рождения и актуализации в человеке веры.

Помимо смыслового ряда, связанного с образом пустыни, другой важный символический смысловой ряд первой части поэмы формируют образы, связанные с пламенем. Первым таким образом, который появляется уже буквально во

второй строфе поэмы, выступает образ свечи. Образ свечи вводится Бродским в парадоксальную на первый взгляд метафору. Размышление об особенностях произношения имени Исаак как Исак («По-русски Исаак теряет звук» [Бродский, 2001, с. 263]) становится основанием для выстраивания следующего ассоциативного ряда:

Исак вообще огарок той свечи,
что всеми Исааком прежде звалась.
И звук вернуть возможно – лишь крича:
«Исак! Исак!» – и эхо справа, слева:
«Исак! Исак» – и в тот же миг свеча
колеблет ствол, и пламя рвется к небу [Бродский, 2001].

На первый взгляд, перед читателем лишь игра прихотливой фантазии автора, но, если учесть ключевое для поэмы события – жертвоприношение – перед нами, скорее, своеобразный пролепсис (если воспользоваться термином Ж. Женетта), намек на предполагаемую роль Исаака как сжигаемого агнца.

Наконец, центральным символическим образом первой части поэмы выступает образ увиденного Исааком и Авраамом в пустыне куста. На ключевое значение для интерпретации поэмы образа куста указывал сам Бродский. Поэтесса и правозащитница Н. Е. Горбаневская вспоминает: «Он мне подробно – можно сказать, структурно – рассказывал еще лежавшего в черновиках «Исаака и Авраама». Например, про КУСТ – что будет значить каждая буква» (цит. по [Лосев, 2008, с. 137]).

Образ строится как своеобразная загадка, выстроенная в форме шарады:

Кто? Куст. Что? Куст. В нем больше нет корней.

В нем сами буквы больше слова, шире.
«К» с веткой схоже, «У» – еще сильнее.
Лишь «С» и «Т» в другом каком-то мире.
У ветки «К» отростков только два,
а ветка «У» – всего с одним суставом
[Бродский, 2001, с. 256].

Как и в случае с метафорическим соотношением Исаака со свечой, первоначально создается впечатление речевой игры ради самой себя. Между тем, символика Бродского вновь формирует метафизический ряд поэмы. Смысл букв «С» и «Т» слова «куст» волнует засыпающего Исаака, и во сне ему является «отгадка» этой «шарады»:

Кто: Куст. Что: Куст. В нем больше нет кор-ней.

В нем сами буквы больше слова, шире.
«К» с веткой схоже, «У» – еще сильней.
Лишь «С» и «Т» – в другом каком-то мире.
<...>

Что ж «С» и «Т» – а КУст пронзает хмарь.
Что ж «С» и «Т» – все ветви рвутся в танец.

Но вот он понял: «Т» – алтарь, алтарь,
а «С» лежит на нем, как в путях агнец.

Так вот что КУСТ: К, У, и С, и Т.

Порывы ветра резко ветви кренят
во все концы, но встреча им в кресте,
где буква «Т» все пять одна заменит.

Не только «С» придется там уснуть,
не только «У» делиться после снами.

Лишь верхней планке стоит вниз скользнуть,
не буква «Т» – а тотчас КРЕСТ пред нами.

И ветви, видит он, длинней, длинней.

И вот они его в себя прияли.

Земля блестит – и он плывет над ней.

Горит звезда... [Бродский, 2001, с. 259].

В имеющем символическое значение сне героя Бродский объединяет четыре основных мотива поэмы: куст как источник хвороста для жертвоприношения («...ломает Исаак сухие ветки <...> но за руку его отец берет: «Оставь его, нам хворост нужен утром»» [Бродский, 2001, с. 257]), жертвенный агнец, звезда (ср., чуть выше «...он, голову подняв, смотрел туда, / где обнажились корни чаши мрачной, / разросшейся над ним – и там звезда / среди них (корней) зажгла свой свет прозрачный» [Бродский, 2001, с. 255], «...вернее, дым к звезде / сквозь толщу пепла рвется вверх натужно» [Бродский, 2001, с. 258]) и, наконец, крест. Основанием для символического переноса служит визуальная форма букв, из которых складывается лексема «куст», акцент на внешней стороне слова достигается Бродским в том числе и за счет шрифтового выделения шифруемых им букв.

Центральным образом сна, выступающим как смысловая доминанта над всеми остальными образами, служит образ креста, неслучайно поэт подчеркивает: «буква «Т» все пять одна заменит» [Бродский, 2001, с. 259]. Образ креста в контексте религиозной направленности поэмы имеет безусловный христианский смысл и вызывает у читателя ассоциации со смертью на кресте и последующим воскресением Иисуса Христа. Выстраивая подобного рода ассоциативный ряд, Бродский актуализирует традиционное для православной экзегезы толкование эпизода жертво-

приношения Исаака как прообраза искупительной жертвы Христовой.

Характерно, что вопрос о значении букв «С» и «Т», волнующий Исаака, и ответ на него, в котором и появляется образ креста, в тексте поэмы разделяется принципиальным для формирования прообразовательного смыслового пространства сюжета эпизодом. Засыпая, Исаак задается вопросом: «А где же агнец?» <...> услышал он ответ (почти что окрик): / «В пустыне этой ... Бог ягненка сам найдет себе ... Господь, он сам усмотрит...» [Бродский, 2001, с. 258]. Передавая единственный в Библии диалог между Исааком и Авраамом, Бродский весьма бережно относится к оригинальному тексту. Поэт полностью сохраняет структуру и смысл диалогической конструкции: «И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения? Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой. И шли далее оба вместе» (Быт. 22: 7–8) [Библия].

Бродский несколько психологизирует образ Авраама, вводя отсутствующие в оригинале детали («окрик»), а также специфические синтаксические конструкции, указывающие на прерывистость речи героя и очевидно демонстрирующие волнение отца Исаака. Впрочем, необходимо заметить, что в целом в пространстве поэмы поэт не увлекается психологизмом, делая акцент на символическом. И в данном случае более принципиальны сохранение и точная передача наиболее важных, по мнению толкователей, слов Авраама: «Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения». Разбивая это предложение на две части («Бог ягненка сам найдет себе... Господь, он сам усмотрит»), Бродский еще больше усиливает его смысл, двукратно подчеркивая и упование Авраама на Господа («Бог», «Господь»), и то, что Авраам оставляет Богу право выбора жертвы для себя. Пророческое значение слов Авраама заключается в содержащейся в них отсылке к новозаветным событиям, когда Господь, действительно, выберет себе великого Агнца, то есть Иисуса Христа, который умрет за грехи мира.

Всеобъемлющее значение жертвы Христа на кресте подчеркивается финалом сна Исаака: «И ветви, видит он, длинней, длинней. / И вот они его в себя прияли. / Земля блестит – и он плывет над ней. / Горит звезда...» [Бродский, 2001, с. 259]. Вновь прибегая к фигуре пролепсиса, Бродский указывает на то, что необходимости в жертве Исаака нет, так как избранный Господом

Агнец принесет искупительную жертву за всех. Поэт предельно расширяет пространство, вплоть до космических пределов, когда остается лишь две точки: земля – и звезда. Образ звезды в данном случае приобретает символическое значение, и, так же, как и практически во всех рождественских стихотворениях Бродского, оказывается знаком непосредственного присутствия в мире Божества. Выстраиваемая поэтом вертикаль говорит о непосредственном взаимодействии человека с Богом, подчеркивает Бродский и путь, благодаря которому возможно это взаимодействие, – путь крестной жертвы Христовой.

Символический сон Исаака предваряет собственно эпизод жертвоприношения, когда руку Авраама останавливает ангел. В поэме Бродского лаконичные в Библии слова ангела («...не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня» (Быт. 22:12)) превращаются в развернутый монолог. Жизнеутверждающий пафос этой речи вновь заставляет вспомнить о жертве Христа, ставшей источником радости для всего мира:

Пойдем туда, где все сейчас грустят.
Пускай узрят они, что в мире зла нет.
Пойдем туда, где реки все блестят,
как твой кинжал, но плоть ничью не ранят
<...>

Открой глаза – здесь смерти нет в помине.
Здесь каждый куст – взгляни – стоит, как знак
стремленья вверх среди равнин пустыни.
Открой глаза: небесный куст в цвету
[Бродский, 2001, с. 260–261].

Вновь возвращаясь к символическому образу куста, Бродский теперь изображает его расцветшим, что, естественным образом, отсылает к торжеству и победе жизни над смертью, ознаменованной воскресением Иисуса.

Заключение

Поэма Бродского «Исаак и Авраам» была создана совсем еще юным, двадцатитрехлетним поэтом и является фактически первым примером осмысления автором вопроса веры, который впоследствии станет одной из ключевых тем его творчества. Поэт, в целом отличавшийся протестными настроениями, и здесь обратился к сфере недозванного, противопоставив свои религиозные поиски официально установленной в советском государстве «религии» – атеизму.

Бродский, переосмысливший ветхозаветный сюжет через призму работ христианского философа-экзистенциалиста Кьеркегора, представил человека, оказавшегося в характернейшей для этого философского направления ситуации одиночества и кризиса веры. Между тем одиночество в точном соответствии с оригинальным иудейским сюжетом оказывается не только и не столько экзистенциальной изоляцией, сколько непосредственным предстоянием перед Богом. Кризис веры оборачивается ее обретением, а неотъемлемым условием этого обретения является готовность принести жертву, какой бы значительной она ни была.

Осмысля ветхозаветный сюжет в духе метафизики христианства, непосредственно выраженной в Новом Завете, Бродский в «Исаак и Аврааме» неоднократно подчеркивает прообразовательный характер событий, произошедших на горе Мориа. Несостоявшееся жертвоприношение Исаака недвусмысленно трактуется в поэме как аналог крестной жертвы Иисуса Христа. Рождение и подтверждение веры героев ветхозаветного повествования в ранней поэме Бродского находится в неотъемлемой связи с ключевым событием Евангелия, с готовностью Бога принести в жертву своего единственного сына ради возможности грядущего человеческого воскресения.

Поэма «Исаак и Авраам» является серьезным этапом на пути формирования Бродского как личности. О ее важности для собственного творчества свидетельствовал сам поэт, который в письме другу от 14 мая 1965 года, с пренебрежением отзываясь о других своих ранних произведениях, подчеркивал: «Реален только „Исаак и Авраам“» (цит. по [Лосев, 2008, с. 139]). И хотя жизнеутверждающая пасхальная радость, свойственная последней части поэмы, в творчестве Бродского является скорее исключением, чем правилом, характерная для произведения ситуация поиска Бога и надежды на его обретение навсегда останется с поэтом.

Библиографический список

1. Ахапкин Д. «Источники света» Иосифа Бродского // Звезда. 2018. № 5. С. 37–56.
2. Бар-Селла З. Страх и трепет // Двадцать два. 1985. № 41. С. 202–213.
3. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. URL: <https://bible-teka.com/> (дата обращения: 13.07. 2023).
4. Богданова О. В., Баранова Т. Н. Потенциальная энергия претекста: структурно-композиционные осо-

бенности «Исаака и Авраама» Иосифа Бродского // Научный диалог. 2023. № 3. С. 206–233.

5. Богданова О. В., Власова Е. А. «Иногда чувствую себя Шекспиром...» (интертекстуальные пласты «Пилигримов» И. Бродского) // Научный диалог. 2021. № 8. С. 129–148.

6. Богомолов Н. О двух «рождественских стихотворениях» И. Бродского // Богомолов Н. От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской поэзии. Москва : НЛО, 2004. С. 478–485.

7. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001. 304 с.

8. Бурая М.А., Богданова О.В. Сверхтекстовое единство рождественского, итальянского и любовного претекстов в «Я был только тем, чего» И. Бродского // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 17–27.

9. Бурая М.А. Стихотворение «Presepio» в контексте рождественского цикла И. Бродского // Acta eruditorum. 2021. Вып. 37. С. 6–16.

10. Гудониене В. «Рождественская звезда» в контексте евангельских стихов И. Бродского // Славянские чтения. Даугавпилс, 2000. № 1. С. 195–201.

11. Измайлов Р. «Библейский текст» в творчестве Бродского: священное время и пространство // Сибирские огни. 2008. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/sib/2008/5> (дата обращения: 13.07. 2023).

12. Копельман З. «Запоминать пейзажи за могилами единоверцев»: о возможном прочтении стихотворения Бродского «Исаак и Авраам» // Параллели. Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. Москва : Дом еврейской книги, 2015. С. 234–250.

13. Лосев Л. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. Москва : Молодая гвардия, 2008. 479 с.

14. Мищенко Е. В. Библейская тема в лирике Иосифа Бродского // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 59–63.

15. Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: интертексты Бродского. Москва : Новое литературное обозрение, 2001. 462 с.

16. Федотова А. А. От Луция Аннея Сенеки к Карлу Марксу: советская эпоха в «Речи о пролитом молоке» И. Бродского // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1. С. 28–35.

17. Чаунина Н. В. Особенности воплощения коммуникативных стратегий в стихотворении И. Бродского «Речь о пролитом молоке» // Научный диалог. 2019. № 6. С. 232–241.

18. Шерр Б. Строфика Бродского: новый взгляд // Как работает стихотворение Бродского. Москва : НЛО, 2002. С. 269–299.

19. Янгфельдт Б. Пламенный антиязычник. URL: <https://biography.wikireading.ru/43195> (дата обращения: 13.07. 2023).

20. Янгфельдт Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском. Москва : Издательский дом: Астрель, CORPUS, 2011. 367 с.

Reference list

1. Ahapkin D. «Istochniki sveta» Iosifa Brodskogo = «Sources of light» by Joseph Brodsky // Zvezda. 2018. № 5. S. 37–56.

2. Bar-Sella Z. Strah i trepet = Fear and trembling // Dvadcat' dva. 1985. № 41. S. 202–213.

3. Biblija. Knigi svjashhennogo pisanija Vethogo i Novogo Zaveta = Bible. Books of holy scripture of the Old and New Testaments. URL: <https://bible-teka.com/> (data obrashhenija: 13.07. 2023).

4. Bogdanova O. V., Baranova T. N. Potencial'naja jenergija preteksta: strukturno-kompozicionnye osobennosti «Isaaka i Avraama» Iosifa Brodskogo = Potential energy of the pretext: structural and compositional features of «Isaac and Abraham» by Joseph Brodsky // Nauchnyj dialog. 2023. № 3. S. 206–233.

5. Bogdanova O. V., Vlasova E. A. «Inogda chuvstvuyu sebja Shekspirom...» (intertekstual'nye plasty «Pilgrimov» I. Brodskogo) = «Sometimes I feel like Shakespeare...» (intertextual layers of «Pilgrims» by I. Brodsky) // Nauchnyj dialog. 2021. № 8. S. 129–148.

6. Bogomolov N. O dvuh «rozhdestvenskih stihotvorenijah» I. Brodskogo = About two «Christmas poems» by I. Brodsky // Bogomolov N. Ot Pushkina do Kibirova. Stat'i o russkoj poezii. Moskva : NLO, 2004. S. 478–485.

7. Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo = Works of Joseph Brodsky : v 7 t. T. 1. Sankt-Peterburg : Pushkinskij fond, 2001. 304 s.

8. Buraja M. A., Bogdanova O. V. Sverhtekstovoe edinstvo rozhdestvenskogo, ital'janskogo i ljubovnogo pretekstov v «Ja byl tol'ko tem, chego» I. Brodskogo = Supertextual unity of christmas, italian and love pretexts in «I was only what» by I. Brodsky // Verhnevzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 2 (29). S. 17–27.

9. Buraja M. A. Stihotvorenje «Presepio» v kontekste rozhdestvenskogo cikla I. Brodskogo = The poem «Presepio» in the context of I. Brodsky's christmas cycle // Acta eruditorum. 2021. Vyp. 37. S. 6–16.

10. Gudoniene V. «Rozhdestvenskaja zvezda» v kontekste evangel'skih stihov I. Brodskogo = «Christmas star» in the context of the Gospel verses of I. Brodsky // Slavjanskije chtenija. Daugavpils, 2000. № 1. S. 195–201.

11. Izmajlov R. «Biblejskij tekst» v tvorcestve Brodskogo: svjashhennoe vremja i prostranstvo = «Biblical text» in Brodsky's work: sacred time and space // Sibirskie ogni. 2008. №5. URL: <https://magazines.gorky.media/sib/2008/5> (data obrashhenija: 13.07. 2023).

12. Kopel'man Z. «Zapominat' pejzazhi za mogilami edinovercev»: o vozmozhnom prochtenii stihotvorenija Brodskogo «Isaak i Avraam» = «Remembering the landscapes behind the graves of fellow believers»: about a possible reading of Brodsky's poem «Isaac and Abraham» // Paralleli. Russko-evrejskij istoriko-literaturnyj i

bibliograficheskij al'manah. Moskva : Dom evrejskoj knigi, 2015. S. 234–250.

13. Losev L. Iosif Brodskij: opyt literaturnoj biografii = Joseph Brodsky: experience of literary biography. Moskva : Molodaja gvardija, 2008. 479 s.

14. Mishhenko E. V. Biblejskaja tema v lirike Iosifa Brodskogo = Biblical theme in the lyrics of Joseph Brodsky // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2008. № 1. S. 59–63.

15. Ranchin A. «Na piru Mnemosiny»: interteksty Brodskogo = «At the feast of Mnemosyne»: Brodsky's intertexts. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 462 s.

16. Fedotova A. A. Ot Lucija Anneja Seneki k Karlu Marksu: sovetskaja jepoha v «Rechi o prolitom moloke» I. Brodskogo = From Lucius Annaeus Seneca to Karl Marx: the Soviet era in «Speech on Spilled Milk» by I. Brodsky // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2023. №1. S. 28–35.

17. Chaunina N. V. Osobennosti voploshhenija kommunikativnyh strategij v stihotvorenii I. Brodskogo «Rech' o prolitom moloke» = Features of the implementation of communicative strategies in I. Brodsky's poem «Speech about Spilled Milk» // Nauchnyj dialog. 2019. № 6. S. 232–241.

18. Sherr B. Strofika Brodskogo: novyj vzgljad = Brodsky's stanza: a new look // Kak rabotaet stihotvorenie Brodskogo. Moskva : NLO, 2002. S. 269–299.

19. Jangfel'dt B. Plamennyj antijazychnik = Fiery anti-pagan. URL: <https://biography.wikireading.ru/43195> (data obrashhenija: 13.07. 2023).

20. Jangfel'dt B. Jazyk est' Bog. Zametki ob Iosife Brodskom = Language is God. Notes about Joseph Brodsky. Moskva : Izdatel'skij dom: Astrel', CORPUS, 2011. 367 s.

Статья поступила в редакцию 28.04.2024; одобрена после рецензирования 05.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 28.04.2024; approved after reviewing 05.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024